

Ленинград, 1981, 1-ое изд., №1

Л. МКРТЧЯН. Несколько лет назад привезжал в нашу страну американский писатель Уильям Сароян. На встрече в Союзе писателей ему был задан вопрос: что ему представляется главным в современной советской литературе? Надо сказать, что это уже был третий приезд Сарояна в Советский Союз. Впервые он привезжал к нам еще в 30-е годы, так что имел возможность сравнить Советскую литературу, ответил У. Сароян, всегда была богата выдающимися достижениями, получившими высокую оценку у зарубежных читателей. Но если прежде это были преимущественно книги русских писателей, то теперь во всех литературах народов СССР появились замечательные произведения, которые вызывают большой интерес у меня, у широкого читателя за пределами вашей страны. Я считаю, добавил У. Сароян, что это наиболее характерная черта современной советской литературы.

Сегодня советская литература многонациональна и по составу, и по книгам, задающим тон и определяющим ее развитие.

Если мы обратимся к конкретному рассмотрению исторического пути той или иной братской литературы нашей страны, то увидим, что очень часто именно те писатели, которые на первый взгляд «отрывались» от своих национальных традиций (и по форме повествования, и по художественным концепциям), явились в итоге истинными продолжателями этих традиций и создателями новых традиций, ставших подлинно национальными.

Тот из писателей развивает свою литературу, кто преодолевает отжившие традиционные формы. Революция оберегает их только эгоны и подражатели. Если говорить об армянской литературе, то даже такому самобытному поэту, как Паруйр Севак, не раз приходилось выслушивать упреки в том, что его поэзия чужда армянской национальной традиции.

Е. СИДОРОВ. То же было и с И. Друзь в Молдавии, с азербайджанскими писателями М. Ибрагимбековым и Анаром. Так что типология здесь совершенно четкая...

Л. МКРТЧЯН. Чужое и чуждое — это разные вещи. В первой книге древних индийских Вед сказано: «Да придут к нам благородные мысли со всех сторон». Об этом мечтали люди издавна. Но в нашей стране впервые появилась социальная и экономическая основа для взаимопонимания, взаимовлияния и взаимобогащения культур. Искусство социалистического реализма по самой революционной природе своей чуждо консерватизму и законности.

Ч. АЙТМАТОВ. Вы затронули очень актуальную проблему. Широкайшая и богатейшая контакты между национальными литературами, национальными культурами стали одной из определяющих особенностей современного литературного процесса, его реальной движущей силой. И социальные факторы, и научно-технический прогресс сыграли свою роль в том, что писатели сейчас уже не чувствуют себя одиночками, островами, одиночными оазисами. Каждый из нас ощущает многочисленные и многообразные влияния, идущие со всех концов света. Недавно я с большим интересом прочитал книгу австралийского писателя Патрика Уайта «Древо человеческое». Киргизию и Австралию разделяют тысячи километров, но вот я задумываюсь над тем, что пишет мой соратник по перву на другом конце планеты, и это волнует меня, обогащает мои представления о мире.

Мне кажется, необходимо каждую национальную литературу рассматривать в контексте всеобщей и мировой литературы. Это касается в первую очередь так называемых младописательских литератур. Нередко приходится слышать рассказы о том, как наши литературные аксакалы зачинали ту или иную национальную письменную литературу, как они создавали чуть ли не на пустом месте первый рассказ или стихотворение, первую книгу, по которым надо следовать дальше.

Я не отрицаю значения их заслуг. В литературе, как и в

любом деле, миссия первопрехода чрезвычайно сложна и почетна. Но подлинное творчество неотделимо от новаторства — это аксиома. Сейчас, когда аудиторией писателя стала вся наша необъятная страна, когда ты стоишь на перекрестке культурных влияний со всех концов планеты, более чем когда-либо нельзя останавливаться на достигнутом. Необходимо находить в недрах своей родной литературы, своей древней культуры то, что важно и актуально для современности. Синтез сводящийся действительности и прошлого, жизнеспособных культурных традиций — вот задача, стоящая перед нынешним поколением писателей. Только тогда ты сможешь сказать окружающим тебя людям нечто свое — и важное не только для собственной национальной среды, но и для читателей других стран и народов.

«ДА ПРИДУТ К НАМ»

Стало привычкой, неким шаблоном мышления, говорить о достижениях младописательских литератур, вести отсчет с нуля, от того, что было, вернее — чего не было до революции или в первые годы Советской власти. Действительно, прогресс по сравнению с тем временем произошел впечатляющий. И об этом надо говорить. Но сейчас любую нашу литературу, будь то литература якутская, чувашская, татарская, киргизская, можно — и должно — рассматривать в контексте общесоюзной и мировой литературы, оценивать по самому высокому критерию. Когда же мы остаемся в пределах собственной истории этих литератур, в пределах прежних формул, то просто не даем возможности самим писателям взглянуть на себя со стороны, трезво, объективно оценить свои достижения. И не секрет, что некоторые из наших коллег пользуются этой заниженностью критериев. А критики говорят об этом редко.

Е. СИДОРОВ. И тем самым выдают свое равнодушие, свою снисходительность к той или иной национальной культуре. Уровень, достигнутый многонациональной советской литературой — и мы вправе этим гордиться — позволяет подходить к каждому из наших писателей с самой высокой меркой.

Л. МКРТЧЯН. Позволю себе не согласиться с тем, что Чингиз Торекулович говорил о зачатках. Очень может быть, что сегодня многие из нас пишут лучше тех, кто когда-то написал первый рассказ или первую повесть. Но зачинатели остаются в истории родной литературы, а тот, кто пришел после них и писал лучше, может, и забудется, не оставив следа. Все зависит от уровня произведения, от того, насколько глубоко и талантливо выразит оно свое время. Крупный писатель — всегда зачинатель! Ломоносов когда-то написал такие строки:

Открылась бездна звезд полна; звездам числа нет, бездне дна. Так могут писать многие современные поэты, могут даже технически лучше. Но именно эти стихи Ломоносова (тогда никто так не писал) навсегда останутся в русской литературе. Это не просто две строчки, это один из камней, положенных в основание русской поэзии.

Ч. АЙТМАТОВ. Позвольте, позвольте, Левон Мкртчянович. В древнем мире был обычай, а вернее — закон первопрехода. Старший в роду был непревзойден, но не всегда того достояния. В литературе первопреходство может быть фактом, но не всегда событием и — более того — художественным открытием. Прочитываемые вами строки Ломоносова прекрасны, но в русскую литературу я измерил бы другими масштабами.

Л. МКРТЧЯН. Да, но смогли бы вы подходить к ней с такими масштабами сейчас, если бы в истории русской литературы не было Ломоносова? Я полагаю, что мы не имеем права недооценивать заслуги

тех, кто стоял у истоков национальной литературы. Приведу еще более яркий пример. Ю. Рытхуу однажды рассказывал, как переводилось в учебниках, по которым он учился, стихотворение Пушкина «У лукоморья дуб зеленый». В языке чукчей не было в то время соответствующих понятий для адекватного перевода. Поэтому перевод выглядел примерно так. У моря стоит дерево, из которого делают копыльды для нартов. Вокруг дерева ходит животное, меньше и тоньше собаки. На дереве — цепь, сделанная из денежного металла, из того же металла, что и два зуба у директора школы... Иначе тогда нельзя было объяснить, передать это стихотворение на языке чукчей. А теперь, спустя всего лишь пятнадцать-двадцать лет, в чукотской литературе существуют созданные тем же Рытхуу произведения, которыми интересуется весь цивилизованный мир...

Ч. АЙТМАТОВ. Речь идет не о какой-либо недооценке. Я хотел лишь сказать, что тогда, когда бесконечно ссылаются на эти примеры, нельзя подходить к современности с мерками вчерашнего дня. Нам нужно постоянно помнить о великой и благородной

миссии писателя — быть нужным для живущих рядом с нами людей, наших современников. Мы получаем множество, так сказать, сигналов обратной связи, свидетельствующих о том, что сегодня, может быть, как никогда ранее, писательское слово жизненно необходимо людям. Недавно я получил из Франции письмо от лицезства, которое они написали, прочитав и обсудив мою повесть «Пегий пес...». Очень умное и волнующее письмо. Там есть фраза, которая мне глубоко зашла в душу. Лицезты пишут: «Не считайте ли вы, что на своем жизненном пути человек смерти прежде всего слово?» По-моему, это очень хорошо сказано. Если думать, здесь сформулирована основная задача писателя, которую все мы в меру своих сил и способностей стремимся выполнить.

Е. СИДОРОВ. И возможность появления такого отношения к литературе, к жизни сейчас очень возросла именно в развитии социалистического общества. Долгие годы мы боролись и защищали свое право просто жить, работать, строить. А сегодня, решая великие социальные проблемы, мы уже имеем больше возможностей подумать и обо всем человечестве, сознательно ставить перед собой такую задачу, что и делает в своих лучших образцах многонациональная советская литература.

Но для этого надо писать на пределе своих человеческих и профессиональных возможностей. Ведь писать хорошо и на уровне века — это значит, помимо всего прочего, выполнять большую идеологическую работу. Сейчас невиданно обострилась идеологическая борьба. Она идет повсеместно, в том числе и очень активно в области мировой литературы. И в этой борьбе мы должны постоянно помнить о художественном уровне наших книг: художественным качеством, неограниченностью мысли, глубиной постижения жизни надо бороться в первую очередь.

Л. МКРТЧЯН. За рубежом есть люди, поддерживающие прогрессивные тенденции, много таких людей! И они ждут нашего слова. Мы должны всегда помнить об этом. Как сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, «плодотворные сдвиги в мировой политике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идеиное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной».

Когда я был в Индии, индийские писатели в наших беседах часто вспоминали высказывания Ганди: «Я не хочу, чтобы мой дом был окружен стенами

со всех сторон, чтобы мои окна были заколочены. Я хочу, чтобы в мой дом со всей свободой ворвалась культура всех народов. Но я против того, чтобы хоть одна из них сбила меня с ног». Продолжая эту мысль Ганди, они говорили, что культурные веяния, идущие из Советского Союза, не сбивают, а помогают твердо стоять на ногах.

Ч. АЙТМАТОВ. Вы очень интересный вопрос затронули, Левон Мкртчянович, — о положительной и отрицательной сторонах взаимовлияния. Есть влияние, которое объединяет и обогащает всех нас, освежает кровь культуры. Но есть и влияние разрушительное — я имею в виду в данном случае литературу антигуманистическую, испрлненную недоверия или презрения к человеку. Когда я читаю иностранную литературу, то нахожу много родственного, что вырастает в меня, находит отклик во мне, но и много такого, что неприемлемо для меня, что я отвергаю как художник.

стоящий художник — работает, он не думает ни о каких взаимовлияниях. В принципе-то писатель за письменным столом одинок, в том смысле, что ему нужно все начинать сначала, как будто до него не было ни одной книги.

Но вот как он одинок? Какова содержание его одиночества? Можно быть одиноким, как путник в пустыне, а можно быть человеком, который воспринял многое из культурного наследия прошлых эпох, пропустил через свою душу войны и трагедии, которые происходили и происходят на

земном шаре. Если все это входит в атмосферу его одиночества, если он садится за стол с надеждой, что создаст единственную в мире, неповторимую книгу, то с таким настроением можно стать и всечеловеческим, и национальным, и просто хорошим писателем. Но ответственность в принципе — и это я подчеркиваю — должна быть не за все человечество сразу. Нужно быть очень нескромным, чтобы отвечать за все человечество, полагать, что ты покоришь мир одной глобальностью этого чувства. Ты должен отвечать за свое слово в первую очередь. Если ты по настоящему отвечаешь за это слово и в содержание его вошла твоя Родина, судьба твоего народа, твоя личная судьба, судьба твоего брата, любимого человека, которого ты не знаешь, но о котором протрел и содрогнулся от сострадания, судьба Толстого, который ушел из Ясной Поляны в бессмертие, — вот тогда ты настоящий художник. Тогда может быть, и человечество признает, что ты вправе нести за него свою долю ответственности.

Л. МКРТЧЯН. Я не во всем согласен с вами, Евгений Юрьевич. Писатель должен стремиться покоришь мир. Он должен быть человеком скромным в быту, в жизни. Но в своем творчестве он должен быть нескромным. Мне представляется поучительным пример Гоголя: не желая быть автором первопреходную свою неудачную книгу, поэму «Ганц Кюхельгартен», и сжег ее тираж. Пример, достойный подражания... Писатель не может (и не должен!) смиряться с тем, что он автор первопреходную свою неудачную книгу, поэму «Ганц Кюхельгартен», и сжег ее тираж. Пример, достойный подражания... Писатель не может (и не должен!) смиряться с тем, что он автор первопреходную свою неудачную книгу, поэму «Ганц Кюхельгартен», и сжег ее тираж.

И еще вот в чем позволю себе не согласиться с вами, О. Настоящем взаимодействии мы можем говорить только по отношению к высокой литературе. Все остальное в литературе просто не существует. Конечно, халтура тоже взаимодействует на своем уровне, но ничего и никого не обогащает.

Позтому поговорим лучше о том взаимодействии, которое по природе своей есть взаимобогащение. Я хотел бы услышать ваше мнение вот о чем: как, на ваш взгляд, отражается взаимодействие национальных литератур на жанрово-разнообразии каждой из них?

Е. СИДОРОВ. Не надо думать, что только идеи бывают интернациональными. То же относится и к жанрам. В японском театре Но европеец чувствует себя, как в музее, но в фильмах Акиры Куросавы, тоже искрывает мир своих страстей и надежд. Или возьмем дастан в среднеазиатских литературах. Сегодня этот жанр, конечно же, воспринимается как история, хотя приемы дастана, творчески, оригинально переломленные в современной повествовательной структуре, как раз в силу национального своеобразия могут привлечь читателя совсем другой культурной традиции. Скажем, почему тот или иной писатель обращается к роману? Ведь не только затем, чтобы вместить в произведение большой жизненный материал. Он мог бы написать некую современную летопись, хроника или эпос. Но он берет за роман. Потому что в романе он будет слышнее, его услышат больше людей. Или же обращается к притче. Тоже не случайно, потому что притча в самом жанре своем уже содержит пафос обобщения.

Ч. АЙТМАТОВ. И обращения... Е. СИДОРОВ. Да, да, обращения, которое адресовано не узкому кругу твоих слушателей, но всему человеческому сообществу. Важно только удерживать при этом национальную самобытность.

Л. МКРТЧЯН. Когда мы говорим о жанровом обогащении национальных литератур, мы должны помнить, что меняется сама действительность. Не

Е. СИДОРОВ. Да, да, обращение, которое адресовано не узкому кругу твоих слушателей, но всему человеческому сообществу. Важно только удерживать при этом национальную самобытность.

Ч. АЙТМАТОВ. Давайте сначала выясним, Евгений Юрьевич, что вы имеете в виду под романтизмом.

Е. СИДОРОВ. Для меня романтизм — это прежде всего гиперболизация жизни духа, особый тип отношения художника к жизни. Романтизм такого рода есть, по существу, высокий реализм, сопрягающий историческую конкретность и щедрую фантазию, мечту и реальность.

Ч. АЙТМАТОВ. Ну вот, видите, это вы так понимаете. А в быденном представлении романтизм — это возвышенность, воспаренность, выспренность. Такой романтизм очень мешает развитию некоторых национальных литератур.

Е. СИДОРОВ. Давайте договоримся. Есть романтизм как стилевое течение. И есть романтизм как система художественного мирозерцания, мышления. Так вот, повторю, романтизма нам в литературе не хватает. Романтизма Леонида Мартынова и Леонида Леонидовича, в других литературах — у вас, Чингиз Торекулович, у Г. Матевосяна, в прозе и драматургии И. Друзь это живет и противостоит художественному позитивизму, бескрылому натурализму, с одной стороны, и выспренной романтике — с другой. Я имею в виду литературу эгононов «деревенской» ли прозы, «городской» — неважно. Сколько их, тех, кто, не обладая литературным талантом и талантом сострадания первопреходцев, следуют за ними по стило, но не по сути!

Я не так давно побывал в Латинской Америке, был в Перу и Аргентине. И еще раз убедился, как интересно протекает там процесс развития литературы. В творчестве Х. Кортасара, М. Варгаса Льюсы, Ж. Амаду, К. Фуэнтеса привлекает сочетание острой, интеллектуальной фантазии и кровной причастности к легендарным народным истокам. Вот еще одна реплика к нашим спорам о романтизме (или «магическом» реализме, или «фантастическом» — как его ни называйте).

Несмотря на то, что в интересе к латиноамериканскому роману у нас сегодня есть прикус моды, уверен, что это большая, праздничная литература. Выстраданное, умное письмо и разительное чувство народной культуры — вот сочетание, идеальное не только для развивающихся стран, но и для наших национальных литератур.

Л. МКРТЧЯН. А я сейчас по думал о жесточайших спорах между сторонниками «деревенской» и «городской» прозы, жесточайших и, я уверен, совершенно бесплодных. Вот, например, Гранта Матевосяна называют представителем «деревенской» прозы. Это бы ничего, но нередко под этим подразумеваются, что он не так прогрессивен, как «городжане», как, скажем, К. Симонян. Но ведь это совсем не так. Ника-

кого «деревенского» романа не существует, как и «городского». Что, Шолохов — деревенский писатель? Или Айтматов? Или Абрамов? Кто более действенностью подчас хорошо ложится в формы условные, в формы фантастические.

Е. СИДОРОВ. В русской классической литературе условность всегда вырастала из быта, из реальности, и в этом ее убедительная реалистическая сила.

Л. МКРТЧЯН. Раньше восточный писатель использовал фольклор именно как стиль. И он останавливался на этом уровне, на уровне назидательной манеры повествования. А современный писатель в сказках или притчах поднимается до высоких философских обобщений. Миф органично входит в сюжет современного романа и даже, если хотите, движет сюжет. Скажем, легенда о Матери-Оленихе в «Белом пароходе». И это обогащает стиль реалистического письма.

Е. СИДОРОВ. Вообще, романтические формы не есть предел и цель. Это просто средство для художественного выражения некоей мировоззренческой задачи. И оно никак не противоречит принципам социалистического реализма.

Ч. АЙТМАТОВ. Да, именно средство. Но зачастую границы романтизма размываются, он превращается в красоту, а подчас и в пошлость. Вот с чем надо бороться. Для молодых литератор настало время жестко самоограничить себя в этих средствах. Для того, чтобы оздоровить литературу, чтобы укрепить свои мускулы. И я думаю, что писатели должны пропагандировать это не только своей художественной практикой, но, может быть, и в прямых публицистических и критических выступлениях.

Л. МКРТЧЯН. Активность писательской позиции, выражающаяся в том, что сейчас появился целый ряд книг писателей о литературе, — примечательная особенность сегодняшнего литературного процесса. Вышла книга К. Кулиева «Так растет и дерево», книга Ч. Айтматова о литературе, У. С. Залгинова несколько таких книг. Вышли сборники статей Г. Маркова, Е. Евтушенко, М. Ибрагимбекова, С. Капустинян, В. Петросяна, Р. Ованесяна... Писатель ныне стремится вмешаться не только в ход литературного процесса, но и в критику. И это, в свою очередь, оказывает влияние на профессиональных критиков.

Е. СИДОРОВ. А иногда, возможно, и открывает перед ними новые пути.

Л. МКРТЧЯН. Кстати, кругозор писателей в их критических выступлениях бывает много шире, чем у «истых» критиков. А ведь читателя интересуют не только то, что происходит в его республике, но и те процессы, которые совершаются во всех других братских литературах.

Е. СИДОРОВ. Да и писателям из всех наших братских республик надо, лучше знать друг друга не только в лицо, но и по книгам. Как сказал однажды прекрасный латышский поэт, мой друг Иммант Зиедонис: «Давайте меньше чокаться, а больше читать друг друга».

Ч. АЙТМАТОВ. Ну что ж, последуем этому разумному призыву. Мне кажется, мы сегодня хорошо поговорили, обсудили целый спектр важных и актуальных проблем. Возвращаемся к нашим письменным столам...

Беседу подготовил к печати К. СТЕПАНЯН

Чингиз АЙТМАТОВ

Левон МКРТЧЯН

Евгений СИДОРОВ

БЛАГОРОДНЫЕ МЫСЛИ

«СО ВСЕХ СТОРОН...»

миссии писателя — быть нужным для живущих рядом с нами людей, наших современников. Мы получаем множество, так сказать, сигналов обратной связи, свидетельствующих о том, что сегодня, может быть, как никогда ранее, писательское слово жизненно необходимо людям. Недавно я получил из Франции письмо от лицезства, которое они написали, прочитав и обсудив мою повесть «Пегий пес...». Очень умное и волнующее письмо. Там есть фраза, которая мне глубоко зашла в душу. Лицезты пишут: «Не считайте ли вы, что на своем жизненном пути человек смерти прежде всего слово?» По-моему, это очень хорошо сказано. Если думать, здесь сформулирована основная задача писателя, которую все мы в меру своих сил и способностей стремимся выполнить.